

Чэн Фэнтай, ожидая такого ответа, достал из кармана приглашение и, раскрыв его, поднёс к глазам Шан Сижую:

— Ну, своё имя узнаёшь? Несколько дней назад ты был занят похоронами, и он не смог тебя найти, а сегодня специально попросил меня пригласить. Пойдём скорее, Фань Лянь нанял императорского повара, готовит маньчжурско-ханьский банкет! Попробуешь гуся, зажаренного на древесине личи!

Шан Сижуй тут же поддался на уговоры, соблазнённый императорским поваром и банкетом. Собравшись, он отправился с Чэн Фэнтаем на празднование дня рождения, но при этом ворчал:

— Что там императорская кухня? Я уже пробовал её пару раз, ничего особенного, далеко до блюд из «Хэсяньцзю»!

Затем добавил:

— Я иду с пустыми руками, не подготовил подарка!

На самом деле Фань Лянь изначально не собирался приглашать Шан Сижую. В день его рождения семья должна была собраться вместе, и если бы Вторая госпожа и Цзян Мэнпин присутствовали, то приглашение Шан Сижую стало бы самоубийством — пиршество могло превратиться в хаос. Однако Вторая госпожа после рождения третьего сына чувствовала себя неважно, её мучили усталость и раздражение. Она была занята ребёнком и, сославшись на жару, в последний момент отказалась от посещения, тем более что это был не юбилей. Цзян Мэнпин также осталась в доме Чэнов, чтобы составить ей компанию. Только тогда Фань Лянь попросил Чэн Фэнтая привести Шан Сижую. Он чувствовал, что в последнее время их отношения стали напряжёнными, хотя сам не понимал, почему. Поэтому он решил всячески угодить Шан Сижую.

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Если господин Шан согласился прийти, это уже большая честь для Фань Ляня. Разве он посмеет просить у тебя подарок? Если попытается, ты можешь дать ему пощёчину.

Дом Фаней, как и резиденция командующего Цао, находился в пригороде Бэйпина, но из-за многочисленных жильцов был ещё больше. Один особняк занимали жёны отца, его братья и сёстры, а также вдова тётушки и её дети. Другой, поменьше, был отведён для служанок и нянек. Несмотря на это, Фани, привыкшие к просторам за пределами Великой стены, чувствовали себя в этих домах тесно. Вдовы и дети постоянно шумели, плакали и ссорились. Фань Лянь, успешный бизнесмен на публике, дома не был авторитетным главой семьи. Чэн Фэнтай, если его довести до предела, мог проявить разбойничий нрав, но Фань Лянь, как младший сын, с детства привык сносить обиды и до сих пор страдал от придирок со стороны мачехи и старших наложниц. Его отношения с танцовщицей вне дома были скорее попыткой сбежать от семейных проблем, что вызывало жалость.

Шан Сижуй, сидя в автомобиле, испытывал сочувствие к Фань Ляню. Чэн Фэнтай воспользовался моментом, чтобы выступить в роли посредника, с улыбкой глядя на него:

— Так что если Фань Лянь где-то недоглядел или кого-то обидел, не будем слишком строги к нему, согласен? Он ведь хороший и надёжный человек.

Шан Сижуй оставался бесстрастным, не выражая ни согласия, ни несогласия.

Прибыв в дом Фаней, они увидели, что сад был украшен для фуршета. В зале было слишком тесно, и, опасаясь, что дети могут что-то разбить, праздник перенесли на лужайку. Несколько детей бегали вокруг длинного стола, покрытого белой скатертью, а увидев Чэн Фэнтая, бросились к нему с криками:

— Зять!

Чэн Фэнтай, не слишком внимательный к своим детям, был очень добр к чужим. Он поднял самого маленького, поцеловал его в щёку и сказал:

— Посмотрите, что я вам принёс!

Старина Гэ вынес из машины две большие коробки с газировкой, две коробки с фруктовыми конфетами, а также печенье, жвачку и шоколад. Дети, обрадовавшись, тут же начали драться за сладости. Маленькая девочка, оставшаяся в меньшинстве, расплакалась, когда её косичка распустилась. Старина Гэ быстро позвал слуг, чтобы те унесли угощения к управляющему. Чэн Фэнтай с улыбкой наблюдал за детской суматохой, думая: «Фань Лянь, этот трус, превратил свой дом в детский сад, где дети ведут себя совсем не как наследники знатного рода».

Трус Фань Лянь, что было редкостью, был одет в белый костюм и лично вышел встречать гостей, уворачиваясь от бегающих детей. Подойдя с улыбкой, он первым делом обратился к Шан Сижую:

— Брат Сижуй! Наконец-то ты здесь! Без тебя мой день рождения был бы скучным! Эх, брат Сижуй, ты становишься всё красивее, такой изящный!

Чэн Фэнтай смотрел на эту болтовню, а Шан Сижуй, услышав комплимент, даже слегка улыбнулся, что выдавало в нём актёра, играющего женские роли.

Фань Лянь хлопнул Чэн Фэнтая по плечу, назвав его зятем. Тот ответил тем же и сказал:

— Проводи господина Шана внутрь, я сначала навещу тещу.

Мать Чэн Фэнтая, мачеха Фань Ляня, была старшей женой Фаней. Почему-то в таких богатых семьях мужчины часто умирали рано, а их вдовы жили долго. Госпожа Фань, хоть и не слишком старая, уже мало двигалась, лежа на курительной лежанке, где её обслуживали, подавая чай и опиум. Наложницы, одетые в традиционные костюмы, окружали её, смеясь и болтая. Самая молодая из них была чуть за тридцать, но уже считалась представительницей старшего поколения. На празднике, где большинство гостей были молодыми, они не появлялись. Чэн Фэнтай долго разговаривал с тещей, слушая её воспоминания о былой славе Поселения Фань, о том, как грандиозно отмечались дни рождения при жизни старого

господина, когда звёзды сцены приезжали издалека, чтобы выступить на домашних спектаклях. Затем она пожаловалась на плохой вкус Фань Ляня, который пригласил в зал западный оркестр, хотя Шан Сижуй, исполнивший прошлым летом «Дар преподнесённой жемчужины на Радужном мосту», был куда лучше, с его прекрасной акробатикой.

Две молодые наложницы, услышав упоминание Шан Сижуй, слегка смутились. Одна неестественно отвернулась, улыбаясь, другая прикрыла уголок рта платком и кашлянула. Чэн Фэнтай уже два года не мог понять, почему Шан Сижуй так популярен среди женщин. Этот полуробёнок, казалось бы, лишённый чувств, тем не менее привлекал внимание. Сам Чэн Фэнтай, красивый и обаятельный, часто бывал в доме Фаней, но ни одна из наложниц не проявляла к нему интереса.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Фань Лянь — дилетант, он не достоин того, чтобы господин Шан выступал для него. Когда вы будете отмечать юбилей, я приглашу для вас Терем Водных Облаков.

Он не осмелился сказать им, что Шан Сижуй уже здесь, иначе вдовы могли бы позвать его для развлечения, что превратилось бы в нечто неприличное.

Пока Чэн Фэнтай приветствовал тещу, Шан Сижуй был проведён Фань Лянем в гостиную, где он угощался и слушал западную музыку. Фань Лянь не отходил от него, шутил и предлагал попробовать то одно, то другое, временно забыв о других гостях. Шан Сижуй попробовал все десерты и пудинги, затем сел на диван с чашкой чая, ожидая основного блюда. Он пришёл сюда только ради вкусной еды.

Фань Лянь сел рядом, чувствуя, что Шан Сижуй, хоть и не стал более дружелюбным, но после угощений был в более приятном настроении. Он осторожно спросил:

— Брат Сижуй, мы знакомы много лет и знаем друг друга достаточно хорошо. Я всегда восхищался тобой.

Шан Сижуй отхлебнул чай:

— О!

Он думал: «Кто только мной не восхищается, мне это уже не в новинку».

— Но, брат Сижуй, — Фань Лянь жалобно продолжил, — чем я тебя обидел в последнее время? Ты так холоден ко мне.

Шан Сижуй, не глядя на него, продолжал пить чай:

— Ну, сам скажи.

Фань Лянь занервничал:

— Что я могу сказать?

Шан Сижуй, видя, что тот не понимает, поставил чашку на блюдце и, ткнув пальцем в грудь Фань Ляня, тихо, но угрожающе произнёс:

— Если ещё раз попытаешься соблазнить Второго господина и испортить его, я тебя убью!

<http://bllate.org/book/15435/1368664>